

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации Елены Викторовны Башковой
«Мифообраз матери в латиноамериканском романе 1970-2010-х годов»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)**

Диссертация Е.В. Башковой «Мифообраз матери в латиноамериканском романе 1970-2010-х годов» представляет собой самостоятельное исследование, которое призвано заполнить одну из лакун отечественной латиноамериканистики. Автор работы, основываясь на анализе обширного корпуса латиноамериканской литературы конца XX-начала XXI веков, считает необходимым выделить в системе латиноамериканского образа мира в качестве самостоятельного мифообраз Матери/Праматери. Актуальность диссертации обусловлена тем, что в фокусе внимания Е.В. Башковой оказался феномен, действительно характерный именно для новой и новейшей латиноамериканской прозы. Детальный анализ процесса формирования и развития выделенного и рассматриваемого ею мифообраза, прослеживание его связи с общими процессами мифогенеза и шире – с механизмами культуuroобразования в Латинской Америке XX-XXI вв. - являлись основными целями диссертации. Отметим, что до сих пор целенаправленных исследований, связанных с этой темой, не проводилось отечественными и зарубежными литературоведами, что свидетельствует о новизне работы.

Исследовательница не раз отмечает, что в отечественной латиноамериканистике практически нет исследований, посвященных мифообразу женщины в латиноамериканской культуре (С. 47). Это весьма показательно, причем вовсе не для латиноамериканской культуры. Хотел бы обратить внимание на то, что культ матери в латиноамериканском образе мира отнюдь не случаен. Причины этого факта множественны и многообразны. Во-первых, достаточно только упомянуть официальную религию – католицизм с его культом Богоматери. Во-вторых, все еще не сложившийся за пять сотен лет социум интуитивно нуждается в мифологическом идентификаторе, в роли которого может выступать только мифическая праматерь, но никак не отец. И когда О. Пас писал «Нет у нас истории; нет у нас отца», он имел в виду общий комплекс сиротства, характерный для всей Латинской Америки (С. 32-33). Вот откуда тяга к идеализации женского каудильизма, будь то в литературе («Донья Барбара»), будь то в реальной жизни: Эвита Перон, воплощение праматери Евы. Кстати, обратим внимание, что уменьшительный суффикс в испанском языке часто имеет не принижающее, а возвышающее значение.

Е.В. Башкова исходит из убеждения, что выделенный ею в системе мифообразов, характерных для латиноамериканского образа мира, образ Матери/Праматери возник именно тогда, когда вызовы национальной самоидентификации потребовали своеобразной «реабилитации» традиционных женских образов, их трансформации, художественного

переосмысления и формирования на их основе мифообраза Праматери, Прародительницы, Матери рода/нации. Национальное своеобразие играет важную роль в процессе формирования мифообраза, поэтому в различных ареалах континента этот процесс проходил по-разному. Исследование специфики развития мифообраза в литературе разных стран, её связи с историческим путём развития культуры нации, особенностями национального литературного процесса проводится автором в I-III главах диссертации. Что касается представленной диссертанткой Методологической базы исследования (С. 22-23), то список ее слишком эклектичен, чтобы являться реальной методологической платформой, что в настоящее время действительно проблематично.

Во Введении достаточно полно и последовательно отражена история вопроса, в общую картину мифологической инфраструктуры автором диссертации предложено вписать мифообраз Матери/Праматери, до сих пор литературоведами в качестве самостоятельного не выделявшийся. Е.В. Башкова аргументированно обосновывает необходимость его специального и пристального изучения. Речь у неё идёт и о трансформации «старых» мифообразов, и об инвенции новых. Отметим, что говоря об истории вопроса, автор работы проявляет незаурядную осведомлённость: ею изучен обширный корпус исследований отечественных и зарубежных латиноамериканистов (в том числе на испанском и английском языках). Библиография в диссертации (в ней 328 позиций) получает отражение в тексте работы в форме прямого цитирования и ссылок. Особую весомость диссертации придает завершающая ее иллюстративная часть.

В I главе работы Е.В. Башкова выделяет мифообраз Матери/Праматери как новую и важную составляющую латиноамериканского образа мира, сложившуюся в середине XX века, и прослеживает его развитие в латиноамериканской прозе конца XX-начала XXI веков. В этой связи сразу же следует отметить правомерность сопоставления, казалось бы, столь противоречивых фигур, как Урсула Игуаран из романа Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», и ее антипода – «Большой Мамы»: ведь в поэтике Гарсиа Маркеса образ неполон, если он не дублирован или даже мультиплицирован. Представляется, что столь важный момент «женского каскизма» следовало бы прокомментировать подробнее, как и «последний портрет» в этой галерее – фигуру праматери человечества из романа Карлоса Фуэнтеса «Инстинкт Инес». Сама же галерея образов Матери/Праматери, выявленных в романах мексиканской писательницы Лауры Эскивель «Шоколад на крутом кипятке» и чилийки Исабель Альенде «Остров над морем», представляется вполне убедительно очерченной. Действительно, потребность в художественной репрезентации себя как общности актуализирует и выводит на первый план фигуру матери, становящейся главой целого рода – в специфически латиноамериканском изводе. Отсюда утверждение её

полноценности с помощью особого «кулинарного кода», сверхнормативности (плодовитость, сексуальная притягательность), трагическая (мать метисов, мулатов, бастардов) или парадоксальная нота (бесплодная женщина, ставшая матерью рода/нации) и т.д. Очень кстати здесь оказался бы разбор и кулинарного кода, и образа дома, возглавляемого матерью, романа кубинского писателя Х. Лесама Лимы «Рай».

Несомненной удачей автора представляется её стремление не исчерпывать разработку материала, опираясь лишь на творчество «магических феминисток» и гендерное прочтение темы, как это и отмечалось ею во Введении. «Новый» и «новый новый» исторический роман, безусловно, явление слишком сложное, чтобы сводить его к гендерной проблематике. Поэтому нельзя не согласиться с Е.В. Башковой, прочитывающей мифообраз Матери/Праматери во II и III главах работы в уже ином контексте.

Особенную рельефность этот мифообраз обретает, когда речь заходит о формировании мексиканской нации. Фигура легендарной Малинче рассматривается Е.В. Башковой с учетом той эволюции, тех переоценок, которые образ «национальной предательницы» претерпел на протяжении веков. Процесс этот отражен во II главе работы в его динамике и неоднозначности. Здесь исследование Е.В. Башковой становится интердискурсивным: она тщательно анализирует процесс трансформации в национальной литературе конкретного исторического образа, превращение его сначала в романтически-противоречивую фигуру, затем обретающую устойчивые черты мифообраза. Исследование проводится на обширном корпусе материалов: исторических документов, литературных произведений, новейших стилизаций (часть материала вынесена в Приложение). Эта глава представляется наиболее интересной. Роман мексиканской писательницы Лауры Эскивель включен в ней в богатейший культурный контекст. Историко-культурные реминисценции и параллели, «работающие» на репрезентацию Малинче как Матери мексиканцев, в целом вполне убедительны. Мексиканская Ева, мексиканская Медея, несчастная Ла Йорона, черты которых постепенно «вбирает» в себя Мать метисной нации, придают этому мифообразу особый масштаб, универсальность. Но не кроется ли в этом некое противоречие, если автор говорит о мексиканском, латиноамериканском мифообразе? Кроме того, заявленная в начале главы тема – Дева Гваделупская как ипостась этого мифообраза – далее только намечена, но в этом контексте полного развития не получает (С. 72-73). Впрочем, это можно понять, так как диссертация посвящена мифообразу матери в латиноамериканской литературе, а не в латиноамериканском сознании вообще.

III глава работы посвящена Эвите Перон, фигуре супруги знаменитого аргентинского диктатора. Это весьма смелый выбор диссертантки, хотя, без сомнения, удостоенная культа при жизни и стихийной беатификации после смерти, Эвита стала национальным мифом

Аргентины. Но национальный миф и мифообраз, являющийся частью латиноамериканского художественного образа мира, это явления разного порядка. Автор диссертации и старается в этой части своего исследования их «развести», прослеживая постепенное движение от имиджа, результата работы политтехнологов Перона – к образу, рожденному мифотворящим сознанием народа (С. 122). Но, опять-таки, этот объективно существующий образ – и мифообраз как то, что мы встречаем в аргентинской литературе – разные вещи. Нащупать грань между этими понятиями, уловить переход не всегда легко, и в работе это различие не всегда четко проговаривается. Конечно, Эвита (не реальная Мария-Эва Дуарте де Перон) стала героиней многочисленных фильмов и книг, значит, сделалась не только объектом массовидного культа, но и образом искусства, хотя границу между тем и другим провести вряд ли возможно. Скажем, аргентинец Борхес и уругваец Онетти запечатлели лишь этот процесс перехода, сам процесс инвенции – а мифообраза Матери нации в их произведениях нет. Более того, аргентинец Эрнесто Сабато занимает прямо противоположную позицию: достаточно вспомнить образ Александры из его романа «О героях и могилах». Впрочем, автор диссертации (С. 169) отмечает парадоксальность этого мифогенного явления.

Черты мифообраза Матери Нации Эва действительно приобретает в романе Абея Поссе «Страсти по Эвите», весьма подробно и убедительно проанализированном автором диссертации. Мифообраз, по глубокому убеждению Е.В. Башковой, творится на глазах читающего, складываясь из устойчивых черт, символов, латиноамериканских констант... В этой связи не могу не сделать небольшого замечания: в романе Поссе, где происходит своеобразная агглютинация и травестия мотивов псевдодокументальной «Истории моей жизни» Эвы Перон, разве не предполагается определенный модус прочтения – иронический? А если да, то могут ли в рамках одного текста сосуществовать создание мифообраза и его ироническое осмысление?

Это замечание является, скорее, пожеланием автору работы поразмыслить в будущем обо всем богатстве возможностей на пути превращения «антимифа в миф» (С. 21 автореферата диссертации).

Высказанные соображения не умаляют значимости проделанной Е.В. Башковой серьезной исследовательской работы, как не умаляют её и некоторые стилевые погрешности

Автореферат и опубликованные работы Е.В. Башковой с достаточной полнотой отражают содержание диссертации. Нет никаких сомнений в том, что мы имеем дело с состоявшейся научной работой, которая вносит существенный вклад не только в теоретический арсенал литературоведения, но также найдет практическое применение в вузовской практике: в преподавании общих курсов по истории мировой литературы, теории литературы, а также спецкурсов по культуре Латинской Америки.

Диссертационное исследование Е.В. Башковой «Мифообраз матери в латиноамериканском романе 1970-2010-х годов», представленное на соискание ученой степени кандидата филологических наук, соответствует квалификационным требованиям п. 9, 10 Положения ВАК о присуждении ученых степеней и является научной работой, в которой содержатся новые методологические подходы, имеющие существенное значение не только для литературоведения, но и для широкого поля гуманитаристики.

Несомненно, Елена Викторовна Башкова заслуживает искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература).

Официальный оппонент

Юрий Николаевич Гирин
доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького
Российской Академии наук (ИМЛИ РАН)
121069 г. Москва, ул. Поварская 25а
Телефон: (495) 690-50-30

yurigin@hotmail.com

Моб. тел. +7 (966) 109 90 42

ОТДЕЛ КВАЛИФИКАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЗАВЕРЯЮ

кадров

ЗАВ

К Жукова
/ ЖУКОВА Л.Н. /

Публикации

1. Функция мифа в культуре Латинской Америки. // Миф и художественное сознание XX века. М., Канон, 2011, с. 660-673.
2. Латинская Америка: идентичность или самость? // Исторический журнал: научные исследования. № 1, 2012, с. 92-107.
3. Виоленсия как тип культуры. Колумбийский вариант // Латинская Америка. № 11, 2013, с. 97-107.
4. Концепты границы, горизонта и пустоты в латиноамериканской культуре. // Проблемы культурного пограничья. М., ИМЛИ РАН, 2014. с.349-364.
5. Путиами каравелл Колумба: наследие Валерия Земскова // Вопросы литературы. № 3, 2016, с. 271-281.
6. Инаковость Латинской Америки // Звенья. «Миры миров»: В поисках идентичности: Россия и Латинская Америка в сравнительно-исторической перспективе. № 1, 2016, с. 44-81.